

“Сохранить все в тайне”

Репрессии в Андижане продолжаются

Copyright © 2008 Human Rights Watch
All rights reserved.
Printed in the United States of America
ISBN: 1-56432-321-8
Cover design by Rafael Jimenez

Human Rights Watch
350 Fifth Avenue, 34th floor
New York, NY 10118-3299 USA
Tel: +1 212 290 4700, Fax: +1 212 736 1300
hrwnyc@hrw.org

Poststraße 4-5
10178 Berlin, Germany
Tel: +49 30 2593 06-10, Fax: +49 30 2593 0629
berlin@hrw.org

Avenue des Gaulois, 7
1040 Brussels, Belgium
Tel: + 32 (2) 732 2009, Fax: + 32 (2) 732 0471
hrwbe@hrw.org

64-66 Rue de Lausanne
1202 Geneva, Switzerland
Tel: +41 22 738 0481, Fax: +41 22 738 1791
hrwgva@hrw.org

2-12 Pentonville Road, 2nd Floor
London N1 9HF, UK
Tel: +44 20 7713 1995, Fax: +44 20 7713 1800
hrwuk@hrw.org

27 Rue de Lisbonne
75008 Paris, France
Tel: +33 (1)43 59 55 35, Fax: +33 (1) 43 59 55 22
paris@hrw.org

1630 Connecticut Avenue, N.W., Suite 500
Washington, DC 20009 USA
Tel: +1 202 612 4321, Fax: +1 202 612 4333
hrwdc@hrw.org

Web Site Address: <http://www.hrw.org>

**“Сохранить все в тайне”
Репрессии в Андижане продолжаются**

- I. Краткое содержание..... 1**
- II. Рекомендации.....6**
 - Правительству Узбекистана.....6
 - Международным партнерам Узбекистана.....6
 - Государствам, принимающим у себя беженцев из Андижана 7
- III. Методология.....8**
- IV. Общие сведения.....9**
 - Восстание и расстрел митинга9
 - Принуждение беженцев к возвращению в Узбекистан 10
 - Безнаказанность расстрела безоружных людей11
 - Репрессии против гражданского общества 12
 - Реакция международного сообщества 13
- V. Продолжающиеся репрессии в Андижане 17**
 - Оставшиеся в Узбекистане 17
 - Возвратившиеся из Киргизии20
 - Возвратившиеся из США 25
 - Семьи беженцев, размещенных в третьих странах..... 30
 - Жены 30
 - Дети 32
 - Родители 34
 - Служка и препятствование свободному выезду из страны..... 36
- VI. Уязвимость узбекских беженцев и лиц, ищущих убежища, в Киргизии 40**
 - Риск принудительного возвращения из других стран СНГ 42

В данный момент власти ищут всех, кто остался в Андижане или вернулся из Киргизстана или Казахстана. Меня всегда спрашивали [на допросах], кого я знаю из тех, кто тогда в городе был и в Андижане еще... Из Америки кто вернулся – за ними следят плотно, но без прямых преследований. Я думаю, это до поры до времени только. Правительство просто хочет собрать всех у себя, чтобы сохранить все в тайне.

—Узбекский беженец в Киргизии

Кто-то из эсэнбэшников сказал: «Настанет день, и они [возвратившиеся беженцы] за это заплатят. Рано или поздно они на чем-то проколются, и мы их посадим – если формально не за Андижан, так еще за что-нибудь».

—Узбекский беженец

I. Краткое содержание

Прошло уже три года с того дня, когда 13 мая 2005 г. после вооруженного выступления группы лиц в Андижане узбекскими правительственными войсками были убиты сотни безоружных демонстрантов. Однако и сегодня власти продолжают активно выслеживать и преследовать любого, кого они считают хоть как-то связанным с андижанскими событиями или располагающим информацией о них. Это прежде всего относится ко многим родственникам сотен человек, бежавших в Киргизию непосредственно после бойни и впоследствии получивших убежище в третьих странах, а также к тем, кто через некоторое время вернулся в Андижан. Эти категории лиц по-прежнему остаются объектом массивного давления со стороны властей. Они подвергаются допросам, постоянной слежке, остракизму, зафиксирован по меньшей мере один случай открытой угрозы физической расправы. Все это приводит к тому, что и по прошествии трех лет государственные преследования продолжают вызывать новые волны беженцев из Андижана.

Правительство Узбекистана неоднократно заявляло, что возвращению андижанских беженцев на родину ничто не препятствует и что у них нет оснований опасаться преследований или других последствий. Однако из-за слежки в Андижане и проблем, с которыми сталкиваются независимые наблюдатели при попытке работать там, не подвергая опасности местные источники, проверка положения возвращающихся затруднена. В 2007 г. Хьюман Райтс Вотч по материалам интервью и других исследований было выявлено увеличение числа андижанских беженцев в Киргизии – как представителей первой волны, вернувшихся и затем опять перебравшихся через границу, так и впервые бежавших от нарастающих гонений. Их свидетельства позволяют составить представление о текущем размахе репрессий в Андижане.

13 мая 2005 г. через границу с Киргизией перешли свыше 500 андижанцев, которые были размещены в приграничном лагере. Риск принудительного возвращения из этого лагеря был столь велик, что в конце июля 2005 г. международными организациями беженцы были эвакуированы в Румынию,

откуда они постепенно распределялись по местам постоянного обустройства, главным образом – в Западной Европе, США и Австралии.

В первые месяцы после майской бойни узбекскими властями была развязана кампания притеснений и давления в отношении оставшихся в Андижане участников или очевидцев митинга 13 мая. От этих людей с помощью арестов, пыток, принуждения к признанию и мощного прессинга пытались получить имена других демонстрантов. Некоторые по уголовным обвинениям приговаривались к длительным тюремным срокам. Других забирали для допроса и впоследствии освобождали, что, однако, не избавляло их от притеснений, угроз уголовного преследования и постоянных требований сотрудничества с властями. В 2006 г. это давление усилилось настолько, что некоторые из этих людей были просто вынуждены бежать, хотя к тому моменту прошло уже не меньше двух лет.

Сразу после андижанских событий власти стали «обрабатывать» семьи многих беженцев, чтобы заставить последних вернуться. Часть беженцев действительно вернулись из Киргизии еще до отправки в третью страну, и поначалу эти люди, похоже, действительно имели возможность жить обычной жизнью. Однако с середины 2006 г. властями была начата новая волна арестов и притеснений, одним из главных объектов которой были возвратившиеся беженцы. В интервью Хьюман Райтс Вотч они рассказывали, как их постоянно вызывали на допросы и заставляли под диктовку писать признания или давать показания, подтверждающие официальную версию событий 13 мая. Некоторых заставляли делать такие признания публично, каяться и просить прощения.

Несколько групп беженцев вернулись в Андижан уже после того, как были обустроены в США. Беженские организации называют практически беспрецедентным возвращение из США нескольких десятков человек в конце 2006 – начале 2008 гг.

Мотивы возвращения беженцев остаются не вполне ясными. Некоторые могли пойти на это из-за оставленных дома детей или родителей или из-за опасений за судьбу родственников-мужчин, арестованных после 13 мая. Для других серьезные проблемы могли возникнуть в связи с адаптацией к жизни в другой стране. При этом приводимые в настоящем докладе интервью свидетельствуют о

том, что часть людей вернулись потому, что хотели избавить родственников от давления, которому те подвергались в Андижане. Это в особенности относится к тем, у кого кто-то из близких оказался за решеткой: в ряде случаев власти обещали сократить срок осужденным родственникам. К сожалению, с возвращением в Андижан притеснения не прекратились.

Подавляющее большинство андижанских беженцев предпочли не возвращаться. Их оставшиеся в Андижане семьи, многие из которых не имеют никакого отношения к майским событиям 2005 г., остаются объектом запугиваний и притеснений даже после того, как властям стало известно об обустройстве беженцев в третьих странах. Значительную часть беженцев из Андижана составляли мужчины (на момент эвакуации из Киргизии в Румынию – 342 из 439 человек), и в городе у них остались жены и дети. Наши собеседники из числа жен беженцев рассказывают об унижениях и притеснениях со стороны властей, о лишении социальных льгот, полагающихся одиноким матерям, а также об остракизме, которому они подвергаются со стороны махаллинских комитетов. Наши собеседники также говорят, что аналогичным образом дети некоторых беженцев подвергаются унижениям и угрозам дисциплинарных взысканий со стороны школьной администрации, в ряде случаев их лишают возможности продолжать образование. Имеются свидетельства, что учителя называют учеников, чьи отцы стали беженцами, «детьми врагов народа». Другие, особенно молодые мужчины, из-за родителей подвергаются допросам, задержанию и угрозам уголовного преследования.

Пребывание за пределами Узбекистана отнюдь не гарантирует андижанским беженцам личную безопасность. Как правило, сначала они направляются в Киргизию, где должны зарегистрироваться в местной миграционной службе и подать заявление на получение статуса беженца в представительство УВКБ ООН. Обычно период ожидания в Киргизии до отправки в третью страну составляет для граждан Узбекистана от шести до восьми месяцев, и в это время их положение наиболее уязвимо, поскольку киргизские власти уже вернули в Узбекистан несколько человек, искавших убежища, - в нарушение обязательств по Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу 1967 г. Имели место также заявления о случаях похищения беженцев с участием действующих на территории Киргизии сотрудников узбекских органов безопасности. Десятки

беженцев и лиц, искавших убежища, в нарушение международного права принудительно возвращались в Узбекистан и другими государствами региона, в том числе Казахстаном, Украиной и Россией. В результате многим узбекским беженцам на постсоветском пространстве приходится жить под постоянным страхом ареста и возвращения.

* * *

Правительство Узбекистана самым тщательным образом расследовало обстоятельства вооруженного выступления и организации массового митинга протеста в Андижане в мае 2005 г. Однако все последние три года оно отказывается признавать какую-либо ответственность за гибель людей 13 мая, несмотря на более чем убедительные доказательства неизбирательного обстрела правительственными войсками безоружных мирных людей и гибели в результате этого сотен человек. Ташкент также отвергает все призывы к независимому международному расследованию. Вместо этого правительство пытается переписывать историю и обеспечить внутри страны молчание со стороны всех тех, кто мог бы поставить под сомнение официальную версию андижанских событий. В самом городе властями развязаны ожесточенные репрессии: давлению подвергаются все, кто знает правду о событиях, в первую очередь участники митинга и очевидцы бойни. За предание гласности правды об Андижане и призывы к ответственности за убийства 13 мая правозащитников, независимых журналистов и политических активистов отправляют за решетку. Сотни людей, осужденных на закрытых процессах в 2005 – 2006 гг., продолжают отбывать длительные сроки заключения. Вооруженные люди, в мае 2005 г. напавшие на административные здания, выпустившие заключенных из тюрьмы, убившие представителей власти и захватившие заложников, совершили тяжкие преступления. Правительство Узбекистана имеет полное право и обязано проводить расследования и обеспечивать уголовное преследование по таким фактам, при соблюдении законности. Однако, с другой стороны, власти обязаны расследовать и обстоятельства применения против безоружных демонстрантов избыточной силы и привлечь к ответственности виновных.

Важно не допустить, чтобы по прошествии трех лет после трагедии андижанские события были «списаны в архив». Международные партнеры Узбекистана,

прежде всего Евросоюз и США, должны остановить постепенный отход от обсуждения андижанской тематики в их диалоге с Узбекистаном. Для этого следует, с одной стороны, напомнить Ташкенту о непринятии им мер по обеспечению ответственности за бойню в Андижане и вновь призвать к этому, с другой – признать, что многие из продолжающихся нарушений, как показано в настоящем докладе, в конечном счете уходят корнями в андижанские события. Соответственно, прекращение преследований и других документированных в настоящем докладе нарушений должно стать одной из главных составляющих предпринимаемых ЕС и США позитивных усилий по содействию конкретным улучшениям ситуации с правами человека в рамках их сотрудничества с Узбекистаном.

II. Рекомендации

Правительству Узбекистана

- Прекратить все притеснения беженцев, которые возвращаются в Узбекистан.
- Прекратить все притеснения тех, кто считается причастным к андижанским событиям или предположительно располагает информацией об участниках.
- Прекратить принуждать семьи беженцев убеждать родственников возвращаться и разрешить всем желающим последовать за своими близкими.
- Обеспечить всем желающим вернуться в Андижан возможность сделать это безопасно и с достоинством.
- Обеспечить всем жителям Андижана вне зависимости от того, считаются ли они причастными к майским событиям 2005 г. или принадлежат к числу возвратившихся беженцев или к числу родственников беженцев, равный доступ ко всем социальным льготам.
- Разрешить независимым правозащитным организациям и СМИ беспрепятственно работать в Андижане.
- Предоставить дипломатическим миссиям в Ташкенте и неправительственным организациям доступ к лицам, которые были принудительно возвращены в Узбекистан государствами, где они искали убежища.
- Немедленно освободить несправедливо задержанных или арестованных правозащитников, журналистов и политических активистов.

Международным партнерам Узбекистана

- Требовать от узбекского правительства прекращения документированных в настоящем докладе притеснений – в рамках как многосторонних форумов по правам человека, так и двусторонних и многосторонних встреч с узбекскими официальными лицами.
- Настоятельно призывать власти Узбекистана полностью открыть Андижан для независимых правозащитных наблюдателей и организаций, а также СМИ.

- В рамках двустороннего диалога продолжать настаивать на необходимости всестороннего и независимого расследования андижанских событий.
- Обеспечить приоритетность вопросов обустройства беженцев из Узбекистана, пока не будут созданы условия для их безопасного и достойного возвращения. Признать, что обвинения, выдвигаемые узбекскими властями против лиц, ищущих убежища, иногда являются безосновательными и не должны служить препятствием для предоставления убежища или обустройства беженцев.

Государствам, принимающим у себя беженцев из Андижана

- Соблюдать Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г., а также Конвенцию ООН против пыток 1984 г. В частности, охранять и гарантировать права узбекских беженцев, прибывших в ту или иную страну в поисках безопасности.
- Воздерживаться от возвращения в Узбекистан беженцев, лиц, ищущих убежища, или любых других лиц при наличии у них обоснованных опасений подвергнуться преследованиям или при наличии серьезных оснований предполагать, что после возвращения им могут угрожать пытки или иное незаконное обращение.

III. Методология

Настоящий доклад основан на материалах интервью, проводившихся с узбекскими беженцами в Киргизии в июле 2007 г. и марте 2008 г. Два интервью проводились в странах, названия которых не разглашаются в интересах безопасности собеседников. Люди, с которыми мы встречались, покидали Андижан в 2007 – начале 2008 гг. Некоторые впервые оказались в Киргизии, другие бежали через границу в мае 2005 г., после этого вернулись в Узбекистан и снова перебрались в соседнюю страну.

Хьюман Райтс Вотч были взяты интервью у 27 человек, покинувших Андижан в 2007 – начале 2008 г. (14 мужчин и 13 женщин в возрасте от 19 до примерно 60 лет). Мы также встретились с восемью беженцами из других регионов Узбекистана, среди которых были журналисты, адвокаты и правозащитники, которые занимались андижанской тематикой или располагали информацией о положении андижанских беженцев или обращении с ними. Насколько это позволяла ситуация, интервью проводились индивидуально.

Часть интервью проводились на русском языке представителями Хьюман Райтс Вотч, для которых русский является родным или которые свободно владеют им; часть – на узбекском с переводом на русский. Имена собеседников изменены, точные даты их прибытия в Киргизию на разглашаются в интересах безопасности их самих и их родственников.¹

¹ Имена изменены произвольно и вне всякой связи с предыдущими докладами Хьюман Райтс Вотч по Узбекистану.

IV. Общие сведения

13 мая 2005 г. узбекскими правительственными войсками были убиты сотни безоружных участников митинга в Андижане.²

Восстание и расстрел митинга

В ночь с 12 на 13 мая вооруженные люди совершили нападения на административные объекты, ворвались в городскую тюрьму и захватили областной хокимият, убив несколько сотрудников правоохранительных органов и захватывая заложников. Поводом для восстания послужил суд над 23 уважаемыми местными предпринимателями, обвинение которых в религиозном экстремизме многие считали несправедливым. В течение нескольких недель накануне майских событий этот суд время от времени становился поводом для акций протеста.

Ближе к рассвету нападавшие, многие из которых были вооружены, стали собирать многочисленный митинг на площади перед хокимиятом. К полудню, по мере распространения информации, на площади собралось уже несколько тысяч человек: люди подходили сами, чтобы заявить свой протест против бедности и произвола властей. Когда площадь была блокирована войсками, которые открыли по толпе неизбирательный огонь, люди, среди которых были и организаторы митинга, бросились бежать. При этом сотни выходивших с площади демонстрантов оказались в мешке и погибли под шквальным огнем правительственных войск, стрелявших без предупреждения. Среди выходивших с площади отдельные люди были вооружены, однако правительственные войска не предпринимали видимых попыток оставить в живых представителей невооруженного большинства. Возмутительный факт применения избыточной силы был зафиксирован ООН и другими межправительственными организациями.

² Настоящий раздел основан на нескольких публикациях Хьюман Райтс Вотч, в частности: «Свинцовый дождь: андижанская бойня 13 мая», июнь 2005 г., http://hrw.org/russian/reports/uzbek/070605_rain.html; «Заметая следы: Ташкент переписывает историю андижанских событий», сентябрь 2005 г., http://hrw.org/russian/reports/uzbek/2005/200905_steps.html; Всемирный доклад – 2006, январь 2006 г., <http://hrw.org/russian/reports/2006/world/uzbek.html>.

Принуждение беженцев к возвращению в Узбекистан

13 мая примерно 500 андижанцев ушли в Киргизию, где были размещены в палаточном лагере близ границы, который был организован Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и управлялся киргизским Департаментом миграционной службы.

Узбекские власти агрессивно добивались возвращения андижанских беженцев. С начала июня 2005 г. угрозами, принуждением, обещаниями хорошего приема и откровенной пропагандой они пытались заставить оставшихся в Узбекистане родственников вернуть беженцев в Андижан. Нередко должностные лица угрожали родственникам серьезными последствиями, если тем не удастся уговорить беженцев вернуться. Отмечены случаи, когда агенты узбекского правительства сами проникали в лагерь и пытались вывести беженцев или вмешиваться в контакты между родственниками.³

Опасность принудительного возвращения в Узбекистан была настолько велика, что в конце июля 2005 г. УВКБ эвакуировало беженцев в Румынию, где им могла быть обеспечена большая безопасность.

Во взаимодействии с органами безопасности соседних стран узбекские власти добивались принудительного возвращения беженцев и лиц, искавших убежища, зачастую прямо игнорируя международно-правовой запрет таких действий. В нескольких случаях искавшие убежища попросту исчезали и впоследствии объявлялись уже под стражей в Узбекистане. За три прошедших года принудительному возвращению подверглись несколько десятков человек,⁴ многие другие живут в постоянном страхе такого возвращения в Узбекистан, где им угрожает серьезная опасность подвергнуться пыткам и другим нарушениям.

³ Подробнее см.: *Хьюман Райтс Вотч*. Заметая следы: Ташкент переписывает историю андижанских событий, сентябрь 2005 г., http://hrw.org/russian/reports/uzbek/2005/200905_steps.html.

⁴ Подробнее о принудительных возвращениях граждан Узбекистана, в том числе подозреваемых в причастности к андижанским событиям, см. обзор ПЦ «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие» *Беженцы из Узбекистана в странах СНГ: угроза экстрадиции (май 2005 г. – август 2007 г.), сентябрь 2007 г.*, <http://www.memo.ru/2007/09/26/2609071.htm>; Civic Assistance, “Removal of Refugees as a Would-be Counter-Terrorism Measure” (current through April 2008), April 2008.

Безнаказанность расстрела безоружных людей

До настоящего времени, вопреки более чем убедительным доказательствам обратного, Ташкент не признает своей ответственности за убийство безоружных демонстрантов в Андижане, обвиняя во всем исламских экстремистов, преследовавших цель свергнуть власть и создать в Ферганской долине исламское государство. Правительство квалифицировало андижанские события как «теракты», в ходе которых, по официальной версии, погибло 187 человек - в основном «бандиты», «террористы» и убитые ими представители власти. Официально признана гибель 60 мирных жителей, причем все они считаются убитыми вооруженными нападавшими, а не правительственными войсками.⁵ Ташкент прямо утверждает, что именно первые несут ответственность за массовую гибель людей, вышедших с площади, где проходил митинг.⁶

За три года ни один человек так и не был привлечен к ответственности за гибель людей. Власти Узбекистана провели масштабные расследования обстоятельств вооруженного восстания и массового митинга, сотни человек осуждены.⁷ При этом не было сделано ничего, чтобы прояснить обстоятельства массового убийства или установить конкретные подразделения, ответственные за гибель людей, и лиц, отдававших приказы открыть огонь. Правительство упорно отвергает неоднократные призывы провести независимое международное расследование андижанских событий. Вместо этого в конце 2006 – начале 2007 гг. Ташкент согласился на проведение с Евросоюзом «экспертных встреч по Андижану», в ходе которых также рассматривались обстоятельства вооруженного выступления, но не массовая гибель людей.⁸ На этих встречах правительство дало понять, что и в будущем не намерено реагировать на критику за отказ пойти

⁵ Доклад Генеральной прокуратуры Узбекистана, <http://www.embuzisr.mfa.uz/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=186&page=1>.

⁶ См., в частности: “Information about the Andijan Events and their Investigation,” General Consulate of the Republic of Uzbekistan in New York, June 20, 2005.

⁷ Подробности уголовных дел и судебных процессов в связи с андижанскими событиями приводятся в: Report by the Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan on the Results of the Investigation into Acts of Terrorism in the city of Andijan (12-13 May 2005), submitted to the Organization for Security and Cooperation in Europe, SEC.DEL/235/06, October 2006 (в досье Хьюман Райтс Вотч).

⁸ На встречах с экспертами ЕС в декабре 2007 г. и апреле 2008 г. узбекская сторона вновь представила правительственную версию андижанских событий. Любой диалог по Андижану следует только приветствовать, однако эти экспертные встречи никоим образом не походили на независимое международное расследование, к которому призывают международные организации и правительства зарубежных стран (см. ниже).

на международное расследование. Евросоюз со своей стороны публично заявил, что экспертные встречи являются важным инструментом диалога, но не могут заменить собой международное расследование.

Сразу после андижанских событий узбекские власти также предприняли беспрецедентные усилия, чтобы скрыть правду о трагедии 13 мая и сформировать удобную официальную версию. Иностранных журналистов выдворяли из Андижана, изымая материалы и аппаратуру. Сотрудники правоохранительных органов и представители махаллинских комитетов обходили дом за домом, предупреждая жителей о нежелательности контактов с журналистами или иностранцами и обсуждения событий 13 мая.

Сотни участников и очевидцев событий были задержаны и подвергались пыткам или иному недозволенному обращению. Осенью 2005 г. начались так называемые «андижанские процессы». С сентября 2005 г. по июль 2006 г. на 22 судебных процессах к длительным срокам лишения свободы были приговорены по меньшей мере 303 человека (в частности, на одном процессе рассматривались дела сотрудников андижанского УВД, на одном – персонала и охраны андижанской тюрьмы). Некоторые обвиняемые были осуждены за терроризм по обвинению в заговоре с целью установления в Узбекистане халифата. За исключением первого процесса, проходившего в Верховном суде в сентябре – ноябре 2005 г., все остальные суды были закрытыми.

Правительство представляло эти суды как направленные на обеспечение ответственности за андижанские события, однако, как уже отмечалось, без ответа остались вопросы о масштабах применения властями избыточной силы и об ответственности за это.

Репрессии против гражданского общества

Правительство также развязало ожесточенные репрессии против тех лиц и организаций, которые пытались выяснить правду об Андижане и предать ее гласности. Десятки правозащитников, политических активистов и независимых журналистов были арестованы или вынуждены эмигрировать, опасаясь за свою безопасность. Власти также блокируют деятельность местных и международных

неправительственных организаций. С мая 2007 г. по февраль 2008 г. восемь правозащитников были освобождены из мест заключения или амнистированы. Однако на момент подготовки настоящего доклада за решеткой по политически мотивированным делам оставались по меньшей мере 12 правозащитников. Все они были арестованы и осуждены в период репрессий после Андижана.

Реакция международного сообщества

Если не учитывать Россию и Китай, первой реакцией международных организаций и правительств зарубежных стран на андижанские события было решительное и единодушное осуждение. И ООН, и Евросоюз, и США, и ОБСЕ, и НАТО – все призвали к независимому международному расследованию и привлечению к ответственности виновных должностных лиц. Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека и Управление Верховного комиссара ООН по правам человека обнародовали резко критические доклады по материалам широких опросов очевидцев в Киргизии.⁹ Сделанные в этих докладах выводы совпадают с заключением Хьюман Райтс Вотч и других НПО о том, что имеются более чем достаточные доказательства ответственности узбекских властей за массовый расстрел людей.

Однако после первоначального единодушия вскоре стало ясно, что у ключевых субъектов, в частности США и Евросоюза, отсутствует согласованная линия поведения в отношении Узбекистана, вследствие чего эффективной и скоординированной реакции на упорное игнорирование Ташкентом призывов международного сообщества не последовало. Соответственно, вопреки очевидной необходимости, без политической поддержки и последствий остались резкие доклады БДИПЧ ОБСЕ и УВКПЧ ООН. В 2006 г. ситуация в Узбекистане дважды рассматривалась Советом ООН по правам человека, принявшим в итоге парадоксальное решение о прекращении постоянного мониторинга страны.

⁹ U.N. Office of the High Commissioner for Human Rights, *Report of the Mission to Kyrgyzstan by the Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR) Concerning the Killings in Andijan, Uzbekistan, of 13-14 May 2005*, July 12, 2005, <http://www.ohchr.org/english/press/docs/andijan12072005.pdf>; Organization for Security and Cooperation in Europe, *Preliminary Findings on the Events in Andijan, Uzbekistan, 13 May 2005*, June 20, 2005, http://www1.osce.org/documents/odihr/2005/06/15233_en.pdf.

Лишь Евросоюз через полгода после андижанских событий сумел мобилизовать политическую волю, чтобы ввести в отношении Узбекистана адресные санкции, утвержденные министрами иностранных дел стран-членов в октябре 2005 г. Санкции включали общеевропейский стоп-лист для 12 высокопоставленных узбекских чиновников, которых Евросоюз посчитал «прямо ответственными за неизбирательное и непропорциональное применение силы в Андижане», эмбарго на поставки оружия и частичное приостановление Соглашения о партнерстве и сотрудничестве – впервые в истории ЕС предпринятое по правозащитным основаниям.

Впоследствии, однако, Евросоюз шаг за шагом ослаблял санкционный режим, несмотря на упорное игнорирование Ташкентом правозащитных требований Брюсселя. В ноябре 2006 г. было восстановлено действие СПС, в мае 2007 г. из стоп-листа были исключены четверо чиновников, хотя беспристрастного и заслуживающего доверия расследования андижанских событий узбекские власти так и не провели, и виновные не были привлечены к ответственности. В октябре 2007 г. срок действия санкций был продлен на год, однако при этом Евросоюз на шесть месяцев приостановил стоп-лист в качестве конструктивного жеста, призванного поощрить узбекские власти к необходимым реформам. При этом был сформулирован перечень конкретных требований к узбекской стороне, включавший освобождение осужденных правозащитников. 29 апреля 2008 г. приостановление стоп-листа было продлено еще на шесть месяцев – до октября 2008 г., когда срок действия санкций автоматически истекает, если только не будет снова продлен. Хотя ЕС объявил, что намерен провести промежуточную оценку ситуации с правами человека в Узбекистане через три месяца, возможность реально повлиять на положение дел была во многом упущена, поскольку Евросоюз не предусмотрел автоматического восстановления санкций в случае, если Ташкент будет продолжать игнорировать европейские призывы к обеспечению прогресса в области прав и свобод.

Такое изменение европейской политики отражает глубокий раскол среди стран – членов ЕС по вопросу о целесообразности сохранения санкций в отношении Узбекистана. Одни выступают за отмену санкций, как показавших свою неэффективность, другие занимают более принципиальную позицию, считая

необходимым сохранение санкций до выполнения Узбекистаном выдвинутых Евросоюзом условий.

Другим фактором, работающим на ослабление санкций, стало параллельное формирование Евросоюзом общей стратегии по Центральной Азии, в том числе и по Узбекистану. Принятая в июне 2007 г., она предусматривает целый ряд амбициозных целей, касающихся углубления европейского участия в энергетике, безопасности и других политических вопросах Центральной Азии. Документ также предполагает продвижение вопросов прав человека и законности – преимущественно посредством технического содействия и структурированных диалогов по правам человека, которые ЕС хотел бы наладить со всеми государствами региона.

В контексте этой широкой повестки санкции стали восприниматься как раздражающая «заноза» в отношениях, препятствующая конструктивному сотрудничеству. Соответственно, признавая вопиющее положение с правами человека в Узбекистане, европейские чиновники все в большей степени склоняются в пользу диалога, который они считают подходящей площадкой для решения имеющихся проблем. При этом в Евросоюзе игнорируют многолетний опыт, свидетельствующий о том, что многие важнейшие шаги в области прав человека предпринимались правительством Узбекистана именно под давлением со стороны международного сообщества.

Несмотря на все изменения позиции, Евросоюз остается одним из лидеров международного сообщества в том, что касается содействия улучшению ситуации с правами человека в Узбекистане. На этом фоне особенное разочарование вызывает политика Вашингтона, который не только не стал вводить санкции, аналогичные европейским, но и до сих пор не сформулировал сколько-нибудь последовательной общей линии в отношениях с Ташкентом.¹⁰

Серьезной возможностью изменить сложившуюся ситуацию стало принятие Конгрессом в декабре 2007 г. законодательства, устанавливающего для

¹⁰ В ноябре 2006 г. Госдепартамент наконец-то признал Узбекистан «страной, вызывающей особую обеспокоенность», в связи с грубыми нарушениями свободы религии, однако этот позитивный шаг остался без каких-либо практических последствий.

Узбекистана конкретные правозащитные условия, невыполнение которых чревато санкциями. Как и в случае с Евросоюзом, такие санкции предусматривают стоп-лист, который должен быть введен через полгода, которые отводятся правительству Узбекистана на выполнение поставленных условий. Значение этого законодательства следует рассматривать с точки зрения запускаемого им процесса, в рамках которого практика узбекского правительства в области прав человека наконец становится объектом пристального и публичного анализа в Вашингтоне.

У. Продолжающиеся репрессии в Андижане

Оставшиеся в Узбекистане

В своих предыдущих материалах Хьюман Райтс Вотч уже писала о волне репрессий летом 2005 г.: массовых арестах и задержаниях, а также широком использовании пыток для получения признаний от участников и очевидцев андижанских событий.¹¹

В отношении многих людей, подвергнутых процессу «фильтрации» (задержанию, пыткам и другому недозволенному обращению, что, как правило, завершалось подписанием нужных признательных показаний), летом 2005 г. были возбуждены уголовные дела. Впоследствии они были либо осуждены на закрытых процессах, либо стали информаторами Службы национальной безопасности, в задачу которых входило выявление участников и очевидцев событий.

Однако даже после освобождения из-под стражи людей не оставляли в покое: их продолжали регулярно вызывать на допрос, угрожали уголовным преследованием, требовали собирать сведения на других участников или очевидцев событий. Хьюман Райтс Вотч были взяты интервью у девяти человек, которые были вынуждены уехать из города в 2007 – начале 2008 гг. из-за постоянных притеснений и страха за свою жизнь и свободу.

Характерным представляется история Салима, который был очевидцем майских событий. По его словам, сразу после 13 мая его жестко допрашивали в милиции и затем еще несколько месяцев время от времени продолжали вызывать на допросы. Весной 2006 г. давление усилилось. Тогда его обвинили в том, что он является тем самым источником, откуда «информация из Андижана продолжает просачиваться на Запад».¹² В течение осени 2006 г. допросы проходили еженедельно, Салиму неоднократно угрожали возбуждением уголовного дела. Он рассказывает об одной из «бесед» в прокуратуре:

¹¹ *Хьюман Райтс Вотч*. Заметая следы: Ташкент переписывает историю андижанских событий, сентябрь 2005 г., http://hrw.org/russian/reports/uzbek/2005/200905_steps.html.

¹² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 10 марта 2008 г.

Прокурор кулаком по столу ударил и как заорет на меня: «Слушай, ты! Для начала я на тебя какое-нибудь мошенничество повешу или уклонение от налогов. Потом арестую за воровство, и если даже тебе удастся от тюрьмы уйти – придется такой штраф заплатить, что и дом твой продашь, и все, что есть. В конце концов, сделаю из тебя рецидивиста и лет на двадцать на нары отправлю».¹³

В конце 2006 г., когда Салима не было дома, милиция провела у него обыск, жену заставили не читая подписать какой-то документ. После этого Салим уехал из Андижана и в течение года жил в других регионах страны. Однако когда он вернулся в Андижан, знакомый из управления по борьбе с терроризмом сообщил ему, что милиция собрала доказательства его «антигосударственной» деятельности и контактов с иностранными журналистами. После этого Салим вместе с семьей бежал из страны.¹⁴

Гульнаре из-за участия в митинге 13 мая также пришлось пройти через бесконечные мытарства, пока она не перебралась в Киргизию.¹⁵

Гульнара пошла на площадь вместе с мужем. Когда правительственные войска стали стрелять по толпе, она побежала вместе с другими и добралась до границы с Киргизией. Однако в тот момент, когда узбекские пограничники открыли огонь по беженцам, чтобы отогнать их от границы, Гульнара была ранена в руку. Она была без сознания, и муж, посчитавший ее мертвой, решил оставить ее вместе с другими убитыми или тяжелоранеными. Брат мужа также ушел в Киргизию.

Гульнару на «скорой» доставили в больницу, где ей перевязали руку, но никакой другой помощи не оказали. Как только она пришла в себя, ее стали допрашивать сотрудники органов госбезопасности. В тот же день поздно вечером ее отвезли в прокуратуру, где допросы продолжились. По словам Гульнары, от нее хотели получить признание в том, что она и ее муж являются членами «Акрамии» - исламской группы, которую власти обвиняли в организации мятежа. Гульнара

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 июля 2007 г.

утверждает, что ей угрожали оружием, грозились изнасиловать и отказывались оказывать ей медицинскую помощь, хотя в тот момент у нее все еще шла кровь и она чувствовала себя плохо; ее попытались взять в наручники, но помешала повязка. Из-за ранения у нее по-прежнему не функционируют два пальца на руке.¹⁶

Около полуночи 14 мая Гульнару отпустили, и 15 мая она вернулась в Андижан.

Через несколько дней к ней пришла милиция: забрали паспорта ее мужа и его брата, а ее саму и ее свекровь доставили в УВД, где уже находился ее свекор. Затем сотрудники милиции отвезли Гульнару в больницу и потребовали опознать среди пациентов участников событий 13 мая. Она сказала им, что никого не узнает, но, по ее словам, следователи все равно заставили ее показывать на случайных людей и писать имена под диктовку милиции. В противном случае ей угрожали изнасилованием «в подвале» и возбуждением уголовного дела.¹⁷ Гульнару и свекровь отпустили в тот же день, свекра продержали в милиции 10 дней.

После освобождения жизнь Гульнары так не вошла в обычное русло:

Вплоть до сентября 2006 года к нам домой раз или два в неделю милиция приходила. На машинах приезжали, каждый раз нас трясло, таблетки пили, чтобы успокоиться. После обеда меня и родственников забирали, часами допрашивали [в отделении], потом часа в два-три ночи обратно привозили. С мужем я не могла связаться, потому что телефон слушали... Хуже всего, что люди к нам ходить перестали. Боялись: всех, кто ни придет, потом

¹⁶ Там же.

¹⁷ Рассказ Гульнары об угрозе изнасилованием подтверждается информацией, собранной правозащитным центром «Мемориал». В 2008 г. представители «Мемориала» встречались с женщиной, которая вместе с мужем была на митинге. По ее словам, мужа вскоре после 13 мая арестовали, пытали и осудили. В июне 2005 г. ее саму трое суток продержали в милиции, где ее допрашивал следователь из Ташкента и она была изнасилована работником андижанской прокуратуры. Последний при этом заявил ей, что это месть за действия мятежников в хокимияте. Впоследствии эта женщина покинула Узбекистан. Место интервью не разглашается. Информация получена по электронной почте от директора центральноазиатской программы ПЦ «Мемориал» Виталия Пономарева 4 мая 2008 г.

забирали, некоторых долго держали. Один наш родственник, когда к нам зашел, потом 25 дней просидел.¹⁸

В апреле 2007 г. Гульнара с дочерью вместе с другими семьями перебралась в Киргизию.

Возвратившиеся из Киргизии

Часть беженцев, ушедших через границу 13 мая 2005 г., впоследствии поддались настойчивым приглашениям и вернулись в Узбекистан до того, как им могло быть обеспечено обустройство в третьей стране. Узбекские власти обещали им «прощение» и свободу от преследований. Некоторые из этих людей рассказали Хьюман Райтс Вотч о том, что им пришлось пережить после возвращения в Андижан и почему им пришлось вновь бежать из страны – по прошествии полных двух лет после событий 13 мая.

Сотрудники милиции и СНБ постоянно допрашивали возвратившихся и вели за ними слежку, пытаясь выявить других участников митинга. Их заставляли подписывать показания и признания, подтверждающие официальную версию событий. По словам некоторых, их также заставляли выступать с покаянными заявлениями и говорить что участие в митинге и бегство из страны было «ошибкой».

Характерной представляется история Зульфии, которая была на площади и затем вместе с другими бежала в Киргизию. В июне 2005 г. ее муж, оставшийся в Андижане, приехал и увез ее домой. По словам Зульфии, после этого ее, мужа, сына-подростка и других членов многочисленной семьи неоднократно допрашивали и заставляли подписывать различные изобличающие заявления.¹⁹ Она говорит, что СНБ угрожала ее мужу уголовным преследованием и заставила признаться в том, что он поддерживал «Акрамию». Саму Зульфию заставили

¹⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 июля 2007 г.

¹⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 июля 2007 г.

заявить, что 13 мая боевики использовали ее и других мирных жителей в качестве живого щита.²⁰

В октябре 2005 г. Зульфию с сыном и еще примерно 50 андижанцами в сопровождении милиции отвезли в Ташкент для дачи показаний на «андижанских» процессах. По ее словам, несколько дней они провели в гостинице под охраной людей в военной форме. Все это время прокурорские работники инструктировали их, что им следует говорить в суде. Зульфию поразило, что представители прокуратуры рассчитывали услышать от них ложь о событиях в Андижане и что они упорно запугивали тех, кто пытался отказываться давать такие показания.

По словам Зульфии, вплоть до марта 2006 г. ее и ее родственников регулярно вызывали на допросы в милицию, и она постоянно чувствовала за собой слежку. Затем допросы прекратились, однако к ним домой по-прежнему регулярно приходили из местного отделения – перед праздниками или «когда газ отключали» - и предупреждали, что им следует «сидеть тихо» и не ходить ни на какие «демонстрации».²¹ Представляется, что власти всерьез опасались новых протестов в условиях неблагоприятной экономической ситуации.

В феврале 2007 г. знакомый из местной милиции сообщил семье, что им лучше уехать из страны, поскольку не исключен арест. В апреле, после неожиданного прихода милиции, когда никого из членов семьи не было дома, Зульфия с мужем перебрались в Киргизию вместе с еще несколькими андижанскими семьями.

Для мужчин участие в андижанских событиях было чревато еще более серьезными последствиями. Свидетельства беженцев, перебравшихся в Киргизию в течение 2007 г. и в первые месяцы 2008 г., и информация, полученная Хьюман Райтс Вотч за последние три года собственно из Андижана, указывают на то, что примерно через год после майских событий – летом 2006 г. узбекские власти вновь обратили внимание на всех тех, кто был арестован непосредственно после 13 мая. После этого была развернута новая охота на

²⁰ Там же; интервью с мужем Зульфии, Киргизия, 6 июля 2007 г.

²¹ Там же.

предполагаемых участников событий, которым удалось не попасть под первую волну преследований.

Из собранных Хьюман Райтс Вотч свидетельств следует, что значительную часть «фигурантов» составили те, кто в мае 2005 г. бежал в соседние страны и затем вернулся в Андижан. Как уже отмечалось, этим людям обещали «прощение» и свободу от преследований. Действительно, по меньшей мере в части случаев, во время первой волны репрессий власти не трогали возвратившихся, «вспомнив» о них больше чем через год после андижанских событий.

Из их рассказов вырисовывается удручающая картина пыток и другого жестокого обращения, угроз, сфабрикованных уголовных дел, вынужденных признаний и приговоров на закрытых процессах, проходивших во второй половине 2006 – первой половине 2007 гг.

Так, Умар вернулся в Андижан в середине 2005 г., когда власти гарантировали ему, что у него не будет проблем. Спустя год, однако, он был арестован андижанской милицией.

В андижанском СИЗО, где содержался Умар, оперативники регулярно подвергали его побоям и другим видам недозволенного обращения и пыток. По словам Умара, от него хотели получить признание в том, что 13 мая у него было оружие, и требовали назвать имена и контактную информацию на лиц, бежавших в Киргизию, Казахстан и Россию:

Им было наплевать, чего я там на самом деле совершил или нет. Меня били, потому что я заявление на статус беженца в Киргизии написал и потому что брат мой из страны сбежал.

Дубинкой по почкам били, пока били – заставляли стоять навытяжку с руками на затылке. Говорили: «Дернешь руками – это покушение будет. Скажешь что – это оскорбление будет». Через день били. Еще противогаз одевали, воздух пережимали, по пяткам палкой деревянной били.

К сентябрю совсем невтерпеж стало. Я сломался, когда они сказали, что моих родителей будут считать врагами народа. Говорили еще: «У тебя жена есть. Знаешь, мы можем с ней сделать все, что захотим, так ведь?» После этого я был готов все что угодно подписать. Я бы сознался, что в танке сидел, что стрелял или что я – лучший друг бен Ладена.²²

Умар провел в СИЗО семь месяцев (сначала в Андижане, затем в Ташкенте), после чего предстал перед судом, был осужден и в итоге отпущен на свободу.

По словам Умара, в заключении он встречал много людей, обвинявшихся в причастности к андижанским событиям, и все они говорили, что подвергались пыткам как в СИЗО, так и в тюрьме. По меньшей мере двое принадлежали к тем, кто вернулся в Узбекистан, поверив обещаниям «амнистии», и обоим грозили длительные сроки заключения.

Умар говорит, что его отпустили под обещание рассказывать всем, особенно еще не вернувшимся беженцам, что в Узбекистане «все замечательно», что с ним действительно хорошо обращались, никогда не били и выпустили из тюрьмы.²³ По его словам, он должен был трижды в неделю отмечаться в местной милиции, что он и делал. Однако весной 2007 г. в милиции ему заявили, что он опоздал на день и что, если это повторится, его опять арестуют. После этого Умар решил не искушать судьбу и перебрался в Киргизию.

Еще одного участника андижанских событий – Ровшана также уговорили вернуться в Андижан в середине 2006 г. Несмотря на уверения властей, через два месяца после возвращения он был задержан СНБ и содержался под стражей сначала в андижанском управлении, затем – в Ташкенте. И в Андижане, и в Ташкенте его подвергали пыткам, требовали признаться в том, что он был на площади с оружием, и дать показания на других участников:

²² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 3 июля 2007 г. Собеседник рассказывал и о других жестоких пытках, которым он подвергался, однако просил не разглашать деталей, опасаясь, что по ним его могут «вычислить».

²³ Там же.

[Дата не разглашается] меня вызвали в СНБ в Ташкенте. Явился – все отобрали: ремень, даже шнурки. В тот день палкой по пяткам и по ногам побили – так сильно, что от ног один большой синяк остался. Там было четверо бугаев таких здоровых в масках, лиц не разберешь. На пол меня бросят – и бьют, топчут. Когда по пяткам били, так больно было, что я даже сами удары не чувствовал. В камеру приволокли – ноги так распухли, что ботинки не налезали.²⁴

Ровшан отказывался сознаваться, и тогда оперативники стали приводить его знакомых, которых задержали ранее, чтобы те в его присутствии дали показания против него:

Свидетеля привели, друг мой. Он обычно здоровый такой, а в тот день – кожа да кости, смотреть страшно. Хромает. Они орут: «Скажи, он там был?» А друг мой только: «Прости, [имя не разглашается], я не выдержал». А они опять: «Он там был?» - «Да».

За дверью слышно было голос еще одного моего друга. Он мне один из самых близких был, мы всегда друг другу по жизни помогали. Он не хотел в кабинет заходить. Я слышал, как он говорит: «Я скажу ‘да’, только без него». Слышно было, как менты называли его «Шариком» [кличка изменена], как собаку: «Шарик, ко мне! Сидеть! Вперед!» Он заполз на четвереньках, а мент все развлекался: «Шарик, ко мне!» Мент встал ему ногой на спину, и друг мой так все время четвереньках и простоял. Мент спрашивает: «Это он был?» - и на меня показывает. Друг отвечает: «Темно было, я не видел, не знаю». Они его у меня на глазах бить стали, потом из кабинета выволокли.²⁵

По словам Ровшана, к моменту освобождения он был готов сделать все, что ему прикажут сотрудники СНБ. Его заставили стать информатором. Однако через

²⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя собеседника изменено, место и дата интервью не разглашаются).

²⁵ Там же.

некоторое время в СНБ снова стали давить на него, утверждая, что он недорабатывает и не дает никакой ценной информации. Он знал, что против него возбуждено уголовное дело, а в СНБ все время угрожали, что дадут делу ход, если он не предъявит что-нибудь «интересное». Опасаясь за свою жизнь и свободу, Ровшан осенью 2007 г. решил снова бежать из Андижана.²⁶

Возвратившиеся из США

С 2006 г. в Андижан вернулись несколько десятков беженцев из числа ушедших в Киргизию и впоследствии обустроенных в США.

В то время как по меньшей мере часть этих людей могли вернуться по собственной воле в силу причин, о которых говорилось выше, информация от беженских сообществ в Европе и США, а также от организаций, помогавших андижанским беженцам в обустройстве на новом месте, дает веские основания предполагать, что с целью возвращения этих людей узбекские власти прибегли к сочетанию посулов и угроз.

Детальная информация о судьбе этих людей после возвращения отсутствует. Андижан остается фактически закрытым для независимых наблюдателей, что затрудняет оценку положения возвратившихся. В самом городе многие независимые источники, такие как правозащитники, журналисты и политические активисты, либо бежали, либо угрозами принуждаются к молчанию. Сами возвратившиеся также стараются избегать публичности и предпочитают не рассказывать лишнего даже соседям и друзьям. По информации нескольких человек, контактировавших с возвратившимися, эти люди не поддерживают связей с прежними друзьями и соседями и выглядят напуганными и подавленными.

По словам одного из наших собеседников, нескольких человек из числа первых возвратившихся из США поддались на уговоры ряда лиц, арестованных после андижанских событий и впоследствии освобожденных под обещание сотрудничать с властями. У этих лиц имелись родственники, приговоренные к

²⁶ Там же.

длительным срокам заключения, и власти обещали сократить сроки, если этим лицам удастся уговорить беженцев вернуться. Правительством была развернута масштабная пропагандистская кампания, целью которой было убедить беженцев, что их ждут на родине и что после возвращения у них не будет никаких проблем. Таким образом удалось привлечь первую группу из 11 человек. Собеседник, которого до того, как он бежал из страны, самого заставили стать информатором, рассказывает:

Когда они вернулись, их для начала припугнули. Некоторые приходили ко мне, плакали. Друзья, которые вернулись, говорили, что им обещали, что все замечательно будет. «А теперь я – стукач, прокуратуре стучу, друзей продаю, должен называть тех, кто с оружием был, и других еще, - так мой друг один говорил. – Американцы нам говорили, что нельзя в Андижан возвращаться, но мы не слушали. Теперь мне обратно [в США] путь закрыт, потому что я бумагу подписал, что еду в Узбекистан добровольно и что меня предупредили».

Я знаю человек десять мужчин, кто из Америки вернулся. Все подавленные. Понимают, что сильно ошиблись. Злятся на своих друзей и родню, которые их возвращаться уговаривали.

Женщины тоже возвращались, но я с ними не мог поговорить. Вообще-то, представьте: если у нее муж в тюрьме, а дети в Андижане остались – кто ей даст за границей сидеть? Родственники сказки рассказывать будут, что все в порядке, пока она не вернется.

Мужчины, которые из Америки вернулись, они на базаре на подхвате работают или на стройке. Обычно больше одного [возвратившегося] на работу брать не разрешают. Если двое в одном месте работают – хозяина сразу в милицию вызывают или в

СНБ. Им не разрешают вместе работать, даже общаться не разрешают. Они только по секрету общаются.²⁷

По словам жительницы Андижана Камилы, навещавшей нескольких вернувшихся в своей махалле, эти люди находятся под постоянным наблюдением, а соседи советовали ей не общаться с ними. По меньшей мере двоих она знала еще до андижанских событий и говорит, что была поражена переменой в их поведении и взглядах:

Один [имя не разглашается] совсем другим человеком стал – все поменялось. Все только Каримова хвалит и хвалит. Мне показалось, что он все в себе держит, слишком боится, чтобы правду сказать.

Другой [имя не разглашается] тоже странно себя ведет. Не говорит ничего, никаких подробностей не рассказывает, только, говорит, что все в порядке. Сказал только, что по два раза в неделю в милицию или в СНБ вызывают.²⁸

Умида говорит, что в разговоре с женой одного из возвратившихся та сказала ей, что после возвращения в Андижан муж не может найти работу и что им приходится туго. Она не захотела говорить подробнее, однако настойчиво советовала нашей собеседнице бежать из Узбекистана.²⁹

Судя по информации, которую удалось получить Хьюман Райтс Вотч, возвратившиеся из США подвергаются мощному прессингу и запугиванию, но не пыткам или недозволенному обращению. Возможно, это связано с тем, что правительство не оставляет попыток уговорить вернуться и других беженцев, а в этой ситуации жестокое обращение с уже вернувшимися может серьезно помешать властям. Как заметил один из наших собеседников, общавшийся с этими людьми:

²⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя собеседника и место интервью не разглашаются) 7 марта 2008 г.

²⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 10 августа 2007 г.

²⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 13 марта 2008 г.

Из Америки кто вернулся – за ними следят плотно, но без прямых преследований. Я думаю, это до поры до времени только. Правительство просто хочет собрать всех у себя, чтобы сохранить все в тайне. По-настоящему давить начнут после того, как более-менее всех обратно вернут.³⁰

По словам Ровшана, когда из США вернулись беженцы, в СНБ ему велели написать на них изобличающие заявления, в которых должно было быть указано, что у этих людей было оружие и что они организовали беспорядки. Ему известно, что после этого многих, если не всех, возвратившихся вызывали в СНБ. По его словам, один из сотрудников заявил: «Настанет день, и они [возвратившиеся беженцы] за это заплатят. Рано или поздно они на чем-то проколются, и мы их посадим – если формально не за Андижан, так еще за что-нибудь».³¹ Ровшан рассказывает Хьюман Райтс Вотч, как его инструктировали в СНБ:

«Ты должен знать все: куда они ходят, с кем проводят время». Там были в основном женщины, кто вернулся, поэтому мне велели к ним жену заслать: «Твоя жена должна разговаривать с ними и еще слушать должна, что люди в махалле говорят. Пусть спросит, что говорят про Узбекистан те, кто еще за границей. И обо всем докладывать».³²

Умар рассказывал, что во время содержания под стражей в Андижане и Ташкенте он встречал в камере по меньшей трех человек, жены которых были переправлены в США. Как представляется, этим людям обещали смягчить режим и прекратить пытки, если их жены вернуться. По словам Умара, после возвращения жен положение этих людей действительно вроде бы улучшилось, и им даже разрешили свидания.³³

³⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Киргизия, 3 июля 2007 г.

³¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя собеседника, место и дата интервью не разглашаются).

³² Там же.

³³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 3 июля 2007 г.

Узбекские власти не оставляют попыток обеспечить возвращение и других андижанских беженцев с помощью сочетания пропаганды, обещаний и давления на оставшихся в Узбекистане родственников. В контролируемых государством СМИ публикуются бравурные заявления возвратившихся беженцев, которые рассказывают о своей счастливой жизни и о том, что на них никто не оказывает никакого давления. Власти также пытаются обеспечить, чтобы к остающимся за рубежом беженцам информация попадала непосредственно и из Андижана: возвратившимся предлагают связываться с оставшимися за рубежом и уверять, что после возвращения никаких проблем не было.

Однако вопреки этим уверениям большинство беженцев, с которыми мы встречались, продолжают испытывать весьма серьезные опасения относительно возвращения в Узбекистан. Эти опасения только усугубляются продолжающимися поступать сообщениями о преследовании властями любого, кого сочтут причастным к андижанским событиям, в том числе и некоторых возвратившихся беженцев, а также невозможностью независимого мониторинга текущей ситуации в Андижане.

Камила, чей сын был среди беженцев, переправленных в третью страну, рассказывает:

Недавно совсем эсэнбэшник приходил, спрашивал телефон сына, чтобы, значит, можно было других возвращенцев зарядить, чтобы ему звонили. Они бы его уговаривать стали, чтобы вернулся, объяснять, что ничего ему не будет. Но я не верю ему! ... Я несколько человек встречала, кто вернулся. Один толком про себя и жизнь после возвращения не рассказывал, только ясно так дал понять, что сын мой не должен возвращаться, чтобы даже не думал об этом!³⁴

В обстановке тотального страха и запугивания, когда вероятность доверительного общения с возвратившимися беженцами в Андижане оказывается почти ничтожной, а правительство продолжает блокировать

³⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 10 августа 2007 г.

поступление информации из региона, оценивать реальное положение возвратившихся крайне трудно.

Семьи беженцев, размещенных в третьих странах

Хьюман Райтс Вотч были взяты интервью у примерно двух десятков родственников андижанских беженцев, которые были обустроены в третьих странах. Хотя многие из этих людей не имели никакого отношения к андижанским событиям, они стали объектом запугиваний и притеснений со стороны властей из-за того, что их близкие ушли в Киргизию и впоследствии были переправлены в третьи страны. В результате им самим пришлось бежать из Узбекистана в поисках временного убежища в Киргизии и в надежде на то, что рано или поздно им удастся воссоединиться с родственниками за рубежом. Большинство этих людей перебрались через границу в 2007 – начале 2008 гг.

По словам этих людей, когда до властей дошла информация об обустройстве их родственников в третьих странах, милиция и органы госбезопасности стали прослушивать их телефоны, вести за ними наружное наблюдение для выявления контактов и регулярно вызывать их для дачи объяснений. Некоторых мужчин произвольно задерживали и избивали во время содержания в изоляторе.

Жены

На андижанском митинге 13 мая 2005 г. были сотни женщин, многие с детьми, однако большинство тех, кто ушел в Киргизию, составляли мужчины.³⁵ У многих в Андижане остались жены и дети.

Для женщин, оставшихся в городе после бегства мужей, жизнь превратилась в сплошной кошмар. Им было крайне трудно содержать себя и семью и приходилось полагаться на родственников мужа или возвращаться к родителям. В махалле из-за отношения соседей и особенно махаллинского комитета они оказались на положении отверженных, зачастую подвергаясь унижениям и не получая помощи, на которую одинокие матери могли бы рассчитывать при

³⁵ Некоторые женщины ушли с митинга пораньше, чтобы успеть заняться хозяйством, многие другие были убиты или ранены правительственными войсками. Многим не хватило сил дойти пешком до киргизской границы. Среди 439 человек, которые были вывезены из Киргизии, были 74 женщины, 23 ребенка и 342 мужчины.

других обстоятельствах. В дополнение к этому они подвергались постоянным притеснениям и преследованиям со стороны милиции и СНБ, которые, как представляется, таким образом рассчитывали заставить их мужей вернуться.

Так, Фарида, у которой муж и его брат были переправлены в третью страну, рассказывает, что после ухода мужа в Киргизию она подвергалась постоянным притеснениям со стороны местной милиции, прокуратуры, СНБ и махаллинского комитета, в особенности после эвакуации мужа в Румынию в августе 2005 г. Она говорит, что власти потребовали представить копии документов всех членов семьи (паспорта и свидетельства о рождении) и неоднократно вызывали ее для дачи объяснений.

По ее словам, оставшегося в Андижане младшего брата мужа забрали на десять суток и жестоко избивали. Оперативники, как она утверждает, говорили ему, что ему «придется расплачиваться за двух сбежавших братьев».³⁶

Фарида рассказывала Хьюман Райтс Вотч, как репрессивная политика властей превратила ее и другие семьи беженцев в отверженных в махалле. Мужчины из этих семей зачастую не могли найти работу или подучить медицинскую помощь. Их жизнь стала трудной, поскольку люди относились к ним, как к «прокаженным», опасаясь, что любые контакты с ними могут иметь негативные последствия.³⁷

В итоге, будучи не в силах больше выносить притеснения со стороны властей и остракизм в махалле, Фарида с детьми в ноябре 2006 г. переехала в Киргизию.

Махмуда рассказывала, как после обустройства ее мужа в третьей стране в 2005 г. ее и свекровь по меньшей мере раз в месяц вызывали в милицию, где расспрашивали о местонахождении мужа, его связях и роли в андижанских событиях. Она также рассказала, как несовершеннолетний брат мужа перепугался, когда три дня подряд, когда он был один, к их дому подъезжал автобус с милицией и солдатами.³⁸

³⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 9 июля 2007 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 9 июля 2007 г.

По словам Махмуды, давление на семью было настолько сильным, что в какой-то момент муж стал подумывать о возвращении в Узбекистан, однако в итоге все же раздумал. В апреле 2007 г., вскоре после очередного прихода милиции, она с двумя детьми переехала в Киргизию. На момент интервью она скрывалась там, ожидая воссоединения с мужем (см. ниже).

Азизу, когда ее муж во второй раз бежал из Андижана осенью 2007 г., неоднократно вызывали в СНБ, милицию и махаллинский комитет и везде спрашивали, где находится муж. Она говорит, что в большинстве случаев оперативники не слишком старались щадить ее:

Обычно допрос начинался в десять утра и продолжался два часа. Я беременная, мне это было трудно. Как-то меня вызвали на утро, а пришлось просидеть там до 11 вечера – все это время мне говорили, что человек, который должен со мной работать, еще не пришел. Свекор мой тогда сильно разозлился, позвонил участковому нашему: «Вы что, не видите, что здесь одни женщины и дети остались?» Потом мы уже убежали.³⁹

Аналогичные истории нам рассказывали и еще не менее пяти женщин, мужья которых были размещены в третьих странах.

Дети

Притеснениям со стороны властей подвергаются также дети андижанских беженцев, в особенности молодые мужчины. Из-за того что их родители ушли через границу, многие испытывают на себе самые различные последствия: от притеснений и взысканий в школе и вузе до задержания, жесткого допроса и угроз привлечения к уголовной ответственности.

28-летний Саиджон рассказывал Хьюман Райтс Вотч, как после ухода отца в Киргизию его с братом регулярно вызвали в местную милицию, но за них всегда ходила мать. От нее требовали вернуть мужа домой, угрожая в противном случае «заняться» сыновьями. «Грозилась, что будут каждый день ее вызывать, - говорит

³⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 7 марта 2008 г.

Саиджон. – Говорили, что уголовное дело откроют против меня и брата моего. Говорили матери: ‘Заберем их – и у тебя другого выхода не будет, кроме как мужа вернуть’». ⁴⁰

Когда мать тоже перебралась через границу, чтобы воссоединиться с мужем, давление усилилось. Саиджона и его брата постоянно расспрашивали в махалле, где находятся их родители. Саиджон предполагает, что их не арестовали только потому, что власти рассчитывали использовать обоих братьев как инструмент возвращения родителей.

Однако затем СНБ конфисковала машину брата Саиджона, который зарабатывал извозом, - под тем предлогом, что эксплуатация автомашины с тонированными стеклами запрещена. В июле 2007 г. местная милиция заставила Саиджона закрыть его интернет-кафе. Вскоре после этого Саиджон с братом бежали из Узбекистана. ⁴¹

По словам студента Шарпудди, когда его мать ушла через границу и была обустроена в третьей стране, его неоднократно вызывали в деканат, где администрация вуза требовала дать показания против матери. ⁴²

19-летний Нурали рассказывает, что после ухода его отца из Андижана его неоднократно вызывали в милицию. Когда он попытался восстановиться в школе после перерыва, вызванного необходимостью кормить семью, администрация запросила рекомендацию махаллинского комитета. В рекомендации комитет указал сведения об отце, и Нурали не восстановили и не выдали аттестат. ⁴³ Несколько женщин рассказывали Хьюман Райтс Вотч о притеснениях и унижениях, которым подвергались их дети из-за того, что их отцы ушли через границу. Говорит мать троих детей школьного возраста:

⁴⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 10 марта 2008 г.

⁴¹ Там же.

⁴² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 марта 2008 г.

⁴³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 7 марта 2008 г.

В школе учителя называли моих «дети врагов народа». Говорили: «Почему я должен помогать тебе учиться, если у тебя отец – враг народа?» И в классе некоторые дети тоже такие вещи повторяли. После таких слов я запретила детям ходить в школу. С сентября шестого года они в школу не ходят».⁴⁴

По словам Зарины, ее сын ощутил на себе последствия в группе по каратэ, где вместо занятий ему приходилось мыть пол. Он все время приходил домой в слезах и через несколько месяцев оставил занятия. Когда в школе раздавали одежду для детей из малообеспеченных семей, сын вернулся домой с одеждой для девочки. Он сказал, что не хотел ее брать, однако учитель настоял. Зарина говорит, что не удивилась, поскольку учитель явно намекал на то, что у нее муж – беженец.⁴⁵

Родители

Преследованиям со стороны властей подвергались и оставшиеся в Андижане родители беженцев. Хьюман Райтс Вотч были взяты интервью у нескольких человек 50-60-летнего возраста, которым из-за прессинга также в конце концов пришлось стать беженцами.

Абдуллу первый раз вызвали в СНБ в сентябре 2006 г., после того как его сын, преследуемый властями за попытки собирать информацию по Андижану, уехал из города. По его словам, допрос продолжался более семи часов, в течение которых его били, требуя сообщить, где находится сын:

Они спрашивали, где мой сын, а я отвечал, что он не преступник и что не сказал бы им, даже если б знал. Тогда один меня с такой силой ударил кулаком в лицо – я на пол свалился. Еще двое подошли, стали меня всего кулаками и ногами избивать. Подняли

⁴⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Киргизия, 7 марта 2008 г.

⁴⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 14 марта 2008 г.

меня, наручники одели, голову пластиковым мешком обмотали, а потом стали в грудь бить. Тут-то я сознание и потерял.⁴⁶

Абдуллу продержали примерно 13 часов, после чего отпустили под подписку о невыезде. На протяжении следующего года его семь или восемь раз вызывал в СНБ, в большинстве случаев допросы сопровождались побоями. В итоге в декабре 2007 г. он уехал из Андижана, после того как на очередном допросе ему заявили, что местонахождение его сына установлено и что Абдулла должен обеспечить его явку под угрозой возбуждения уголовного дела против него самого.⁴⁷

По меньшей мере в одном случае наш собеседник утверждал, что бежал из страны, столкнувшись с прямой угрозой физической расправы. По словам Ислама, он подвергался постоянным притеснениям и его регулярно вызывали на допрос из-за того, что один из его сыновей был арестован и осужден за участие в андижанских событиях, а другой бежал и был обустроен в третьей стране. При этом сам Ислам не мог покинуть Узбекистан, поскольку должен был заботиться о семьях сыновей. Решение перебраться в Киргизию он принял только после того, как почувствовал угрозу собственной жизни. Он рассказывает историю своего общения с властями:

Меня постоянно вызывали: в милицию, в прокуратуру, в СНБ. Все время одно и то же спрашивали, никогда ничего не объясняли. Только вот допросы совсем жесткие стали, когда я семью старшего сына отправил, к нему за границу. Говорят: «Ты что, ненормальный? Мы тебе велели сына домой вернуть, а ты вместо этого семью его отсылаешь. За дураков нас держишь? Издеваешься? Похоже, тебе спокойная жизнь не нужна, проблем на свою голову ищешь».

Меня заставили подписку дать о невыезде. Нужно было раз в неделю в милиции отмечаться. Участковый к нам почти каждый день приходил.

⁴⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 марта 2008 г.

⁴⁷ Там же.

В мае седьмого года, через неделю, как отказы пришли на мой запрос про амнистию для младшего сына, вызывают меня в андижанскую СНБ и в милицию. В милиции – там человек в штатском сидел. Говорит: «Ты, старик, все никак угомониться не можешь. Мы тебя долго терпели, возраст твой уважали. А ты нам только нервы портишь. Три дня тебе даем: за эти три дня ты сына с семьей обратно вызвать должен, а не то – пеняй на себя». А я говорю: «Что вы можете со мной сделать? Я - старый человек. Посадите меня – буду в тюрьме вместе с сыном сидеть». А они смеются: «Кто тебя посадит? Твой сын там работает, делает алебастр, известку, цемент. А ты старый, работать не можешь. Ты просто сгинешь».⁴⁸

Когда Ислам на следующий день пришел на работу, ему доверительно сообщили, что за ним приходили «очень большие люди». После этого он решил уйти в Киргизию.

Слежка и препятствование свободному выезду из страны

Наши собеседники утверждают, что им приказывали сообщать о любых контактах с родственниками за рубежом и убеждать последних возвращаться.

Нурия, муж которой ушел в Киргизию и впоследствии был обустроен в Европе, рассказывает, во что превратилась ее жизнь, когда об этом стало известно властям:

Когда он еще в Киргизстане был, к нам домой все время с обысками приходили, милиция, прокуратура все время меня и мужа родственников допрашивала. А потом, когда он из [страна не разглашается] позвонил, опять меня вызвали, стали спрашивать, где он. Они телефон слушают, знали все, но хотели, чтобы я подтвердила. Велели мне приходиться, сообщать каждый раз, когда он позвонит. Потом четверо милиционеров к нам домой приходили:

⁴⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 2 июля 2007 г.

мне повезло, я на базаре была, соседи потом уже сказали. А на базаре за мной все время одни и те же люди крутились. У меня уже просто сил не было больше все это выносить, решила уходить, и четверых детей с собой взяла.⁴⁹

Родственники андижанских беженцев также говорят, что власти, нередко через махаллинские комитеты, пытались помешать им воссоединиться с близкими за границей: за ними устанавливалось плотное наблюдение и они получали угрожающие предупреждения о недопустимости отъезда.

Нигора, муж которой был обустроен в третьей стране в 2006 г., рассказывает о непростом выборе, который приходилось делать ей и многим другим родственникам беженцев:

В городском УВД с меня взяли подписку о невыезде и что ни в каких демонстрациях участвовать не буду. Из махалли к нам регулярно приходили, говорили, что мы не должны из Узбекистана уезжать, а то родственники пострадают, и в тюрьме которые – тоже. Я знаю еще семей десять, как минимум, у кого муж за границей или в тюрьме, - их всех пугают, что родственникам плохо будет.

Кто за границей – они зовут жен к себе, но боятся многие. У женщин с такими мужьями и своя семья еще есть: отец, братья, мать. Если они из Андижана уедут, то родственники пострадают. Когда кого-то из тюрьмы выпускают – предупреждают его, что он лично отвечает, если кто-то [из близких] из Андижана уедет.⁵⁰

В начале 2008 г. Нигора все же решила уехать из города, опасаясь за судьбу 19-летнего сына, которого власти угрожали арестовать.⁵¹

⁴⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 6 июля 2007 г.

⁵⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 7 марта 2008 г.

⁵¹ Там же.

Обычно угрозы начинаются после того, как родственникам позвонят обустроенные за границей беженцы, либо после визита представителей Международного комитета Красного Креста с информацией о близких.

Так, Саиджон рассказывал, как осенью 2006 г. к ним с матерью пришли из МККК, чтобы сообщить о том, что отец обустроен и помочь связаться с ним по телефону. Сразу после этого семью вызвали в милицию. Отправившуюся туда мать Саиджона стали расспрашивать, зачем приходили представители МККК, сопровождая это угрожающими предположениями о том, что ей предлагали деньги.⁵²

По словам Лейлы, ей также из МККК передали письмо от мужа, который находился тогда в Румынии, после чего ее вызвали в махаллинский комитет и велели звать мужа домой. Когда муж позвонил, история с вызовом в махаллю повторилась, а со свекрови взяли подписку и невыезде. Несмотря на требования махаллинского комитета, сама Лейла такую бумагу подписывать отказалась.⁵³

Обеих женщин продолжали каждый месяц вызывать в махаллю и в местную милицию, чтобы получить от них сведения обо всех контактах с мужем Лейлы. Когда он был обустроен в Великобритании, он стал звонить чаще, и после каждого звонка Лейлу вызывали для дачи объяснений. Она говорит, что они с мужем знали, что их слушают, поэтому говорили только о его возвращении в Узбекистан.⁵⁴

Похожую историю рассказывает Зарина:

Через неделю, как мы от мужа через Красный Крест письмо получили, к нам милиция пришла – почитать. Забрать хотели [письмо], только свекровь не отдала. С мая шестого года, когда муж перебрался в Америку и стал звонить оттуда, каждый раз после его звонка милиционер приходил. Говорил, что муж в Америке и что я

⁵² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 10 марта 2008 г.

⁵³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 13 марта 2008 г.

⁵⁴ Там же.

отказываться должна, если к себе звать будет. Подписку с меня взял, что не уеду, сказал, что иначе я сама беженкой стану, преступницей.⁵⁵

В других случаях за родственниками следят по месту работы или учебы, чтобы не допустить их отъезда. Умиде, муж которой был обустроен в третьей стране, по месту учебы детей пришлось дать подписку о невыезде семьи.⁵⁶ Только что упоминавшаяся Зарина также заявила, что после ухода с детьми в Киргизию, к ее родителям приходили из школы с расспросами. Учителя не скрывали своего раздражения и говорили, что у них – учителей – будут проблемы из-за того, что они «проморгали» и не сообщили властям об отъезде семьи.⁵⁷

⁵⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 14 марта 2008 г.

⁵⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 13 марта 2008 г.

⁵⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 14 марта 2008 г.

VI. Уязвимость узбекских беженцев и лиц, ищущих убежища, в Киргизии

Большинство беженцев, с которыми мы общались, говорят, что не чувствуют себя в безопасности даже в Киргизии. Как правило, им удается получить регистрацию у местных миграционных властей и статус беженца – в УВКБ ООН, однако они убеждены, что ни то, ни другое не обеспечивает им достаточной защиты.

Такие опасения являются вполне обоснованными, поскольку киргизские власти неоднократно нарушали свои обязательства как по Конвенции о статусе беженцев 1951 г., запрещающей возвращать беженцев в условия, где им угрожают преследования, так и по Конвенции ООН против пыток 1984 г., запрещающей возвращать любых лиц в условия, чреватые пытками. В 2005 – 2007 гг. Киргизия вернула в Узбекистан более десятка беженцев и лиц, искавших убежища; на ее территории исчезли по меньшей мере пятеро узбекских граждан, искавших убежища, причем по меньшей мере двое из них были, как утверждают, похищены узбекскими спецслужбами.⁵⁸

Правоохранительные органы Киргизии также проводили так называемые контртеррористические операции, по сведениям – во взаимодействии с узбекскими коллегами, в ходе которых были задержаны несколько лиц, искавших убежища. Один из них впоследствии заявил Хьюман Райтс Вотч, что ему угрожали отправкой в Узбекистан, однако после вмешательства УВКБ отпустили. Других задержанных также впоследствии освободили.⁵⁹

Особенно уязвимыми чувствуют себя беженцы в приграничных областях, в том числе в Оше и Джалал-Абаде. Местные организации и УВКБ неоднократно

⁵⁸ «Киргизия: исчезновение узбеков, искавших убежища», пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч от 25 августа 2006 г., http://hrw.org/russian/press/kyrgyz/2006/250806_uzbek.html; «Киргизия в нарушение международных норм принудительно возвращает узбекских беженцев», пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч от 9 августа 2006 г., http://hrw.org/russian/press/kyrgyz/2006/090806_uzbek.html; «Киргизия: правозащитная организация вновь призывает не выдавать узбекских беженцев», пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч от 16 июня 2006 г., http://hrw.org/russian/press/kyrgyz/2006/160606_uzbek.html; Всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч – 2008, <http://hrw.org/russian/docs/2008/01/31/kyrgyz17881.htm>.

⁵⁹ «Киргизия: исчезновение узбеков, искавших убежища», пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч от 25 августа 2006 г., http://hrw.org/russian/press/kyrgyz/2006/250806_uzbek.html.

выражали обеспокоенность в связи с безопасностью узбекских беженцев и лиц, ищущих убежища, на территории Киргизии. УВКБ публично протестовало против экстрадиции беженцев в Узбекистан, ссылаясь на серьезный риск пыток,⁶⁰ а также против «исчезновения» лиц, предположительно похищенных узбекскими спецслужбами.⁶¹ При малейшей возможности УВКБ старается переправлять вновь прибывших узбекских беженцев из Ошской и других приграничных областей в Бишкек, где вероятность похищения этих людей узбекскими спецслужбами не столь велика.

Однако и в Бишкеке у беженцев нет достаточных гарантий, если узбекские власти прибегнут к их розыску по официальным каналам.

Карим рассказывает, как в конце 2005 г. перебрался из Оша в Бишкек после угроз местной милиции отправить его в Узбекистан. Тогда в Узбекистане выписали ордер на его арест и объявили его в международный розыск через Интерпол. В апреле 2007 г. высокопоставленный сотрудник МВД Узбекистана встречался в Киргизии с представителями миграционных властей и прокуратуры. По словам Карима, затем этот человек связался с одним из знакомых Карима в Киргизии:

Моему другу велели предупредить меня, чтобы я даже не думал бежать. Сказали: «Мы с киргизами договорились. Они его в пределах двух недель возьмут и выдадут». И почти тут же милиция пришла по тому адресу, где у меня регистрация, только я уже в другое место перебрался, прятался. Я до сих пор скрываюсь, никогда один на улицу не выхожу.⁶²

При этом оставшиеся по тем или иным причинам в Оше живут в постоянном страхе того, что их могут похитить узбекские органы госбезопасности или иным образом заставить вернуться. Так, Фариды на момент интервью Хьюман Райтс

⁶⁰ “UNHCR shocked by extradition of Uzbeks from Kyrgyzstan,” Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, August 9, 2006, <http://www.unhcr.org/news/NEWS/44d9fd4b4.html>.

⁶¹ “Kyrgyzstan: concerns over disappearances of Uzbek asylum seekers,” Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, August 25, 2006, <http://www.unhcr.org/news/NEWS/44eec9782.html>.

⁶² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 3 июля 2007 г.

Вотч, прожила в Оше уже девять месяцев, и все это время практически не выходила из квартиры, дети не посещали школу или детский сад:

Я слишком боялась, чтобы детей куда-то пускать. Знаете, здесь везде узбекская госбезопасность, и киргизы уже каких-то беженцев передавали. Я знаю, что дома на родителей и на брата давят, чтобы узнать, где я.⁶³

По словам Махмуды, она даже самым близким родственникам в Андижане не сказала, что перебралась в Киргизию. Она сказала семье, что уехала учиться и живет у родственников, чтобы семья могла дать такой ответ властям в случае весьма вероятных вопросов.⁶⁴

Положение беженцев в Оше может еще более осложниться в связи с достигнутой в августе 2007 г. договоренностью о расширении сотрудничества между МВД Узбекистана и Киргизии и о взаимном создании «филиалов» в Оше и Андижане. Предполагается, что сотрудники будут на взаимной основе работать в соседних странах, «чтобы консолидировать силы двух государств, направленные против преступников, террористов и религиозных экстремистов».⁶⁵

Хьюман Райтс Вотч пока не готова оценивать возможные последствия такого сотрудничества для безопасности беженцев в приграничных регионах. Учитывая то, что узбекские власти не оставляют попыток вернуть беженцев, а киргизская сторона демонстрирует готовность содействовать этому вопреки своим международным обязательствам, августовская инициатива вызывает серьезную обеспокоенность.

Риск принудительного возвращения из других стран СНГ

Детальная оценка положения узбекских беженцев в других странах центральной Евразии выходит за рамки настоящего доклада, однако можно отметить широко

⁶³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 9 июля 2007 г.

⁶⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя изменено). Киргизия, 9 июля 2007 г.

⁶⁵ «В Оше появится филиал МВД Узбекистана», *Uznews.net*, 22 августа 2007 г., http://uznews.net/news_single.php?lng=ru&cid=9&nid=656.

документированный риск принудительного возвращения из России, Украины и Казахстана.⁶⁶

С 2005 г. по май 2008 г. каждая из этих стран в рамках экстрадиции, выдворения или депортации принудительно вернула или пыталась вернуть десятки узбекских беженцев и лиц, искавших убежища. Большинство этих людей обвинялись в принадлежности к запрещенной в Узбекистане исламской организации «Хизб-ут-Тахрир» или к другим группам, которые Ташкент считает «фундаменталистскими». Около 20 человек обвинялись в причастности к андижанским событиям.

Большой резонанс получила история с арестом в Иваново в мае 2005 г. по узбекскому запросу о выдаче 14 человек, из которых 12 были гражданами Узбекистана. В представленных российской стороне документах все 14 обвинялись в причастности к андижанским событиям.⁶⁷ Российское правительство настаивало на своем намерении выдать запрашиваемых лиц даже после того, как УВКБ ООН признало их беженцами и одна из европейских стран согласилась принять их. 5 марта 2007 г. они были освобождены из-под стражи, а в августе Европейский суд по правам человека вынес предписание о приостановлении экстрадиции. 24 апреля 2008 г. Европейский суд постановил, что выдача этих беженцев Узбекистану была бы нарушением обязательств России по статье 3 Европейской конвенции о правах человека, запрещающей передачу лиц странам, где им могут угрожать пытки.

Судьба других узбекских граждан, искавших убежища в России, сложилась не так благополучно. По данным авторитетной российской НПО «Гражданское содействие», в 2003 – 2008 гг. Россия незаконно вернула в Узбекистан семерых граждан этой страны, подозреваемых на родине в причастности к «фундаменталистским» организациям. Широко известно дело Рустама Муминова, задержанного в Москве 17 октября 2006 г. и 24 октября выдворенного в Узбекистан – через 20 минут после издания Европейским судом по правам

⁶⁶ ПЦ «Мемориал», Комитет «Гражданское содействие». Беженцы из Узбекистана в странах СНГ: угроза экстрадиции (май 2005 г. – август 2007 г.), сентябрь 2007 г., <http://www.memo.ru/2007/09/26/2609071.htm>; Civic Assistance, “Removal of Refugees as a Would-be Counter-Terrorism Measure” (current through April 2008), April 2008.

⁶⁷ ПЦ «Мемориал», Комитет «Гражданское содействие». Беженцы из Узбекистана в странах СНГ: угроза экстрадиции (май 2005 г. – август 2007 г.), сентябрь 2007 г., <http://www.memo.ru/2007/09/26/2609071.htm>; решение Европейского суда по правам человека по делу *Исмоилов и др. против России* от 24 апреля 2008 г., жалоба № 2947/06.

человека предписания о приостановлении депортации. В январе 2007 г. он был осужден в Узбекистане на пять с половиной лет по делу об участии в «фундаменталистской» организации и посягательстве на конституционный строй.⁶⁸

Десятки узбекских граждан после андижанских событий бежали на Украину, где уже имелась немногочисленная узбекская община искавших убежища. Уязвимость их положения проявилась в феврале 2006 г., когда украинские власти выслали в Узбекистан 10 человек, обвинявшихся Ташкентом в причастности к андижанским событиям.⁶⁹ Все они были осуждены по делам об участии в «Акрамии», трое – дополнительно по делам о причастности к андижанским событиям.⁷⁰

С конца 1990-х гг. десятки узбекских граждан бежали от религиозных преследований в Казахстан. К августу 2007 г. с заявлением о предоставлении убежища в УВКБ обратились более 250 человек. Об уязвимости их положения свидетельствуют несколько инцидентов с 2005 г., когда беженцы и лица, искавшие убежища, задерживались местными властями. Иногда это делалось под предлогом нарушения паспортного режима, в других случаях – по узбекским запросам о выдаче. До настоящего времени, во многом благодаря вмешательствам УВКБ ООН, ни один беженец не был официально экстрадирован.

При этом казахские власти допускали внепроцессуальное возвращение лиц в Узбекистан. В конце ноября 2005 г. были принудительно возвращены по меньшей мере девять узбекских граждан, бежавших от преследований на родине (четверо из них были зарегистрированы в УВКБ). Эти люди были похищены, предположительно – сотрудниками казахских правоохранительных органов, и тайно доставлены в Узбекистан. После возвращения почти все они предстали перед судом и были осуждены по делам о «религиозном экстремизме». Считается,

⁶⁸ Civic Assistance, “Removal of Refugees as a Would-be Counter-Terrorism Measure” (current through April 2008), April 2008.

⁶⁹ «Украина: беженцев из Узбекистана депортируют, несмотря на риск пыток и произвола», пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч от 17 февраля 2006 г., http://hrw.org/russian/press/ukraine/2006/170206_uzbek.html; “Ukraine: UNHCR deplores action of authorities, seeks information on deported Uzbeks, UNHCR, February 17, 2006, <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/news/openssl.htm?tbl=NEWS&id=43f5b0c62&page=news>.

⁷⁰ Двое получили по 13 и 9 лет, остальные – по три года.

что аналогичным образом в декабре 2005 г. были принудительно возвращены в Узбекистан еще несколько десятков человек.⁷¹ Они не были зарегистрированы как обратившиеся за убежищем, и неизвестно, предполагали ли они подавать такое заявление. Все они разыскивались по делам о религиозном экстремизме в связи с якобы причастностью к «Акрамии» и к андижанским событиям. Все были осуждены на сроки от 4 до 20 лет.

* * *

Настоящий доклад был подготовлен и написан группой научных сотрудников Хьюман Райтс Вотч. Редакция: Холли Картнер, директор Отделения по Европе и Центральной Азии; Рейчел Денбер, зам. директора Отделения по Европе и Центральной Азии; Иан Горвин, старший сотрудник по программам; Вероника Сзенте Голдстон, директор по правозащитной деятельности в Европе и Центральной Азии; Эйлинг Рейди, старший юрисконсульт; Билл Фрелик, директор программы Хьюман Райтс Вотч по беженцам. Техническое содействие: сотрудники Отделения по Европе и Центральной Азии Соня Клешик, Мира Риттманн, Кэтрин Кунс. Подготовка к публикации: Анна Лоприор, Грейс Чои, Андреа Холли, Фицрой Хепкинс.

Хьюман Райтс Вотч выражает признательность всем беженцам, которые согласились поделиться с нами рассказами о пережитом, иногда – с немалым риском для себя и своих близких.

⁷¹ По данным ПЦ «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие», в этот период были тайно возвращены 47 граждан Узбекистана. Относительно официального обращения кого-либо из них за убежищем информация отсутствует. Среди переданных был один из лидеров андижанских событий Кабул Парпиев. Сроки по приговору – от 4 до 20 лет. Узбекские власти утверждают, что Парпиев и другие были задержаны на территории Узбекистана. ПЦ «Мемориал», Комитет «Гражданское содействие». Беженцы из Узбекистана в странах СНГ: угроза экстрадиции (май 2005 г. – август 2007 г.), сентябрь 2007 г., <http://www.memo.ru/2007/09/26/2609071.htm>. Официальные лица Казахстана признали, что, как и в случае с предыдущими девятью, эти лица были задержаны в Казахстане. “Kazakhstan: Secret Service Admit their Responsibility for Extrajudicial Return of Ten Islamists”, Memorial Human Rights Center, August 19, 2007.